

СПЕЦКУРС «ОСНОВИ КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ»

Викладає: канд. філол. н., доц. Шамаєва Ю.Ю.

ЗРАЗОК ЛЕКЦІЇ

Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике

Понятие концепта (conceptus – позднелатинское, средневековое образование (ecclesiastique); производное от глагола concipere – con-cipere «со-бирать, с-хватывать, за-гораться, за-думывать, за-чинать»), издавна является объектом исследования философской, психологической, лингвистической, литературоведческой, когнитивной парадигм. С.Г. Воркачев отмечает, что в рамках философской теории познания и отображения действительности определения концепта варьируются от широкого, подобного локковской «идее» (сложные ментальные образования, такие как мысль, знание, вера), до более суженного (смыслы, которыми оперирует человек в процессе интериоризации, сохраняющиеся в формате квантов – жизнь, смерть), то есть концепт в философском осмыслении трактуется как свернутые знания человека о мире, как составляющая мировоззрения, концептуальной картины мира, которая при означивании выражается посредством языка.

В когнитивно-лингвистических исследованиях одним из наиболее общих / универсальных является определение концепта в «Кратком словаре когнитивных терминов»: концепт – термин, который служит для объяснения единиц ментальных и психических ресурсов сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что в отличие от понятия, реализующегося в логической форме и отражающего наиболее существенные признаки предмета или явления, в состав концепта входят разносубстратные единицы оперативного сознания, такие как представления, образы, понятия, то есть концепт интерпретируется более широко. Осмысление концепта как единицы

мышления и сознания, содержащей в себе вербализованную (внутренний лексикон) и невербализованную информацию, представленную в холистическом единстве, соответствует глобальной идее о существовании единого уровня представления знаний, объединяющего языковую, сенсорную и моторную информацию [270], воплощая «объективное содержание процессов» (цит. Д. Катц по С.А. Жаботинской [98: 148]).

В целом, в современной лингвистике существует несколько подходов к рассмотрению концепта: 1) системно-языковой, в основе которого – осмысление концепта в совокупности его языковых параметров в системе осей синтагматики, парадигматики и ассоциативных связей, что в комплексе позволяет выявить типичные пропозиции, в центре которых находится данный концепт (Г.П. Джинджолия); 2) денотативный, в фокусе которого – описание внеязыкового коррелята пропозиции (А.Д. Кошелев), и 3) сигнификативный, в рамках которого этот феномен осмысливается в сопоставительном аспекте посредством анализа его сигнификативного поля, либо через упрощенную сетку универсалий бинарных, тернарных, четвертичных и подобных систем (А. Вежбицка), либо в комплексе энциклопедических и лингвистических компонентов (С.Г.Воркачев), либо в единстве профанных, секуляризованных и мифопоэтических смыслов (Л. Панова). Выделяют также когнитивно-семиотический, или когнитивно-лингвокультурологический подход к изучению концепта, представителями которого в отечественной лингвистике являются Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, А.П. Бабушкин, З.Х. Бижева, Р.М. Фрумкина, Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, Г.Г.Слышкин, И.А. Стернин, Е.А. Селиванова, А.Д. Белова, О.П. Воробьева, И.Б. Штерн, а в зарубежной Дж. Лакофф, М. Джонсон, Л. Барсалу, М. Гизман.

Концепт в совокупности своих составляющих, обладающих некоторым шифром, не может быть простым; любой его элемент должен поясняться другим элементом. Кроме того, каждый концепт связан с другими концептами, и вместе они образуют домены, фоны, из которых вычленяется

исследуемый концепт; соотношение между концептом и доменом интерпретируется Р. Лангакером в терминах «профиль» и «база».

Концепты предметов, действий, ситуаций и эмоций включают в себя более одного концепта и потому могут называться ядерными концептами, образующими вместе с включенными в них концептами стереотипные ментальные структуры, являющиеся отдельными фрагментами национально-специфических картин мира. Концепт, представляющий собой глобальную мыслительную единицу, квант структурированного знания, «ячейку культуры в ментальном мире человека», выступает как нечто целостное, постоянно возобновляемое событие мысли, сгущаясь в точке Я, сквозь которую проходят все его составляющие и в которой они совпадают.

Синтезируя перечисленные трактовки, за основу мы можем принять понимание концепта как культурно-отмеченного вербализованного смысла, представленного в плане выражения рядом своих языковых реализаций, имманентно эксплицирующих культурные ценности представителей конкретной лингвокультуры, как единицы коллективного (со)знания (коррелирующей с высшими духовными ценностями), имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой.

С точки зрения лингвистической семантики, концепт интерпретируется как совокупность семантических характеристик, выделенных путем компонентного анализа. Основной лингвистической чертой концепта является закрепленность за определенным способом языковой реализации. Считая концепт планом содержания языкового знака, С.Г. Воркачев отмечает включенность в концепт всей коммуникативно значимой (внутрисистемной, прагматической, этимологической) информации, наряду с предметной и психологической, и группирует концепты следующим образом: а) в самом широком смысле – конструкторы, содержание которых формирует «наивную картину мира» определенной лингвокультуры, включаемые в число концептов, образующих концептосферу языка; б) лингвокультурно-маркированные семантические образования, характеризующие определенную

этнокультуру, формирующие концептуальную область как часть концептосферы;

в) семантические образования, являющиеся ключевыми для понимания национального менталитета.

Н.Н. Болдырев, анализируя соотношение между концептом и значением, отмечает, что концепты как элементы «содержания» сознания («ментефакты») автономны от языка и средства вербализации своими значениями передают лишь часть концепта. Поэтому более перспективными, с его точки зрения, являются многоуровневые концепции значения, отражающие идею последовательного разграничения концептуального и семантического уровней репрезентации знаний. Исследуя понятия концепта и концептосферы, В.И. Убийко отмечает, что «можно выявить совершенно новые семантические структуры, соединяя вместе грамматически разрозненные линии разных частей речи ... и разных семантических полей, элементы описания одного и того же концепта». Это положение согласуется с выводом психолингвистов о том, что и значение является когнитивной структурой, отражающей определенную модель познания мира человеком, «квант информации, подведенный под крышу языкового знака».

Знак, согласно Ч. Пирсу, в свою очередь конституирует триадическое отношение, не существующее вне языковой личности: знак /репрезентант/ – некая величина, обладающая физической природой и способная замещать что-либо (градуальные номинации исследуемой эмоции); производимый этим знаком другой знак /интерпретанта первого знака, или значение/, находящийся в сознании интерпретатора/концептуализатора (концептуальные метафоры); и объект, представляемый знаком – десигнат/сигнификат знака, включающий в себя определенные свойства объектов и ситуаций; денотатом при этом выступает «радость»). Доминантой же семиотического процесса является, по И.П. Сусову, динамическая интерпретанта (значение).

Триадическое отношение в понимании значения исходит, следовательно, из синергетической точки зрения, поскольку три его члена связаны вместе

таким образом, что значение не сводится ни к какой совокупности диадических отношений, их пределы оказываются взаимосвязанными по принципу неопределенности-дополнительности-совместности: каждая пара элементов находится в соотношении дополнительности, а третий задает меру совместности, образуя находящееся в динамическом равновесии целостное единство в силу того, что множественность смыслов заложена в структуре значения как самоорганизующемся феномене и обнаруживается, согласно В.А.Пищальниковой, в процессе речепорождения. Само значение трактуется, вслед за А.Миколайчуком, как концептуализация умственного опыта, некое тождество с субъективной структурой понятия, соответствующей мировидению языковой личности. Если значение – когнитивная структура, а его динамика как когнитивной структуры обусловлена принципиальной потенциальностью связей когнитивных признаков, т.е. самим механизмом языка, а не строго характером референциальных связей языковых единиц с референциальной действительностью, то по нему можно реконструировать фрагменты мышления, поскольку в общем виде, как указывает Е.С.Кубрякова, «значение знака может быть определено как концепт, связанный знаком».

Задача, однако, усложняется тем, что в лингвосинергетической парадигме развитие значения вследствие воздействия социальных, психологических, этнокультурных факторов столь же закономерно, сколько случайно, и эта спонтанность изменения системы смыслов выявляет относительную независимость значения от внешних воздействий. Р.М. Фрумкина подчеркивает, что деление на лингвистику, психолингвистику и когнитивную лингвистику устарело, и принципиальным является лишь то, что языковая форма мотивирована интерпретацией мира индивидом-концептуализатором. Отсюда задача исследователя – проанализировать максимальное количество форм вербализации исследуемого явления.

Итак, концепт мы рассматриваем как «самоорганизующееся интегративное функционально-системное многомерное идеализированное» культурно-эвристическое ментально-аффективное образование, в котором выделяются

несколько качественно отличных составляющих (слоев, измерений). Представляется, что составляющие концепта эмоции – это упорядоченные процессуально-модулярные вариации аффективного смысла во взаимодействии с их «концептуальными связями /интенциями/, направленными на те или иные участки внутреннего лексикона, которые могут вступать во взаимодействие с данным понятием, когда вербальные сети приходят в движение». Тем не менее, количество составляющих должно быть ограниченным, иначе концепт растворился бы в ничто.

Основным признаком, отграничивающим лингвистический концепт от логического, а также общесемиотического (философского) и психологического понимания, вкладываемого в данный термин, является закреплённость за определённым способом вербализации. А.В. Рудакова также отмечает, что из ряда попыток объединить концепты в группы по близкому категориальному признаку лучший доступ к описанию и определению природы концептов обеспечивает язык, но абстрактные концепты поддаются описанию труднее. Тем не менее, концепт можно описать в соответствии со следующими параметрами: 1) по выраженности в языке; 2) по степени устойчивости; 3) по частоте и регулярности актуализации; 4) по своей структуре / «характеру концептуализируемой информации»; 5) по содержанию и степени абстракции.

Представляется, что лингвистический статус «культурных концептов» определяет возможность их описания в терминах языковой картины мира, поскольку, как отмечает А.А. Худяков, любой концепт – это элемент определённой концептуальной системы носителя сознания как информации о действительно или возможно вербализованном положении вещей в мире.

Согласно классификации А.А.Залевской, различающей концепт как достояние индивида и концепт как инвариант, функционирующий в определённой социокультуре, концепт также рассматривается как спонтанно-функционирующий в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовый перцептивный когнитивно-аффективный конструкт,

подчиняющийся закономерностям психической и социальной жизни языковой личности, отличающийся специфическими особенностями, а именно: 1) по своей природе такой концепт является невербальным образованием, базирующимся на сенсорных и моторных репрезентациях; 2) его вербализация возможна на второй метафорической ступени актуализации с акцентированием внимания на определенных его аспектах.

Что касается **теоретико-методологических принципов когнитивного моделирования концепта**, важным вопросом современных когнитивно-лингвистических исследований, в которых языковая личность определяется в терминах синергетики как сложная биокогитосоциальная система, является построение интегративной модели перехода от мира эмоций к их языковому обозначению. Такая когнитивная модель позволила бы выделить рекуррентно-универсальные и национально-специфические черты лингвокультурного кодирования эмоциональных реакций и способствовала бы более эффективному поиску гносеологических координат, в которых выявленные способы и формы соотношения концептуальной и языковой картин мира, этнокультурные сходства и различия могли бы быть проанализированы и использованы для оптимизации этнокультурных установок и углубления межкультурного взаимопонимания.

Формирование и восприятие смысла как процесса семиотического отличается сложностью концептуализации, проистекающей из необходимости преодоления противоречия между недискретностью ментальной и эмоциональной сфер и относительно дискретным способом их вербализации. Разрешить такое противоречие представляется возможным путем когнитивного моделирования. В последнее время признается, что знания организуются с помощью когнитивных моделей, следствием чего являются категориальные структуры и прототипы, а базовой структурой репрезентации вербализованных знаний, к которым мы относим опыт, является «модель ситуации». Последняя представляет собой идеализированную когнитивную модель (ИКМ), обеспечивающую

конвенциализированный способ миропонимания и представления опыта. Несомненную теоретико-методологическую и прикладную актуальность подобного моделирования подчеркивали многие исследователи. Так, П. Джонсон-Лэйрд указывает, что постижение действительности возможно исключительно через индивидуально-создаваемые когнитивные модели. Г.Г. Почепцов утверждает, что сегодня проблема когнитивного моделирования формулируется как поиск корреляции между лингвистическими структурами текста любой природы и структурами представлений его автора, и предлагает два способа такого подхода: когнитивное картирование и операционное кодирование. Важным компонентом концепции Т.А. ван Дейка является утверждение о том, что в основе таких моделей лежат личностные знания представителей определенной лингвокультуры, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, чувства и эмоции.

Исходя из вышеизложенных соображений, возникают когнитивные модели концептов. Когнитивной данная модель является прежде всего в том смысле, что ее построение осуществляется в русле когнитивной науки, т.е. такие значения термина «когнитивный» как «связанный с психикой», «мысленный и мыслительный», «познавательный и познаваемый» составляют специфику конструируемой модели. Подобно другим когнитивным моделям, предлагаемая модель – «следствие наблюдений, но в определенной степени она же – определяющий фактор наблюдений», ибо выполняет задачу обеспечения «умопостигаемой репрезентации характера наблюдаемого и обладает прогностическим потенциалом. При моделировании концепта отображаются его релевантные свойства на основании гипотезы о возможном устройстве оригинала, что позволяет переносить знания с модели на оригинал. Поэтому, когнитивная модель является также своеобразной «характеристикой процесса категоризации в естественном языке», объединяющей выделяемые Дж. Лакоффом и М. Джонсоном пропозициональные, схематические, метонимические и, прежде всего, метафорические типы когнитивных моделей – ее примарных составляющих.

Модель основывается на следующих положениях теории когнитивного моделирования: 1) главная часть концептуальных систем непосредственно базируется на перцепции, тактическом (телесном) и физико-социальном опыте индивида; 2) мысль образна: концепты, не прямо основанные на опыте, используют метафору, метонимию, т.е. ментальную образность; 3) мысль обладает гештальтными свойствами, а концепты имеют структуру, выходящую за пределы простого соположения; 4) мысль обладает экологической структурой, зависящей от организации общей концептуальной системы и от дейктического момента.

Многие модели строятся также на основе 1) аксиом когнитивизма, сформулированных Х. Гарднером и Д. Вульфом, а именно: а) исследуются не просто наблюдаемые явления, а их ментальные репрезентации и ненаблюдаемые процессы; б) на протекании этих процессов сказывается конкретное содержание явлений и реальных процессов; в) культура формирует человека: индивид всегда находится под влиянием своей культуры и 2) постулатов когнитивной семантики А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, а именно: а) примат когнитивного, согласно которому значения слов тесно связаны с когнитивными структурами; б) нерелевантность противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания; в) тенденция к экономии усилий посредством эксплуатации фреймовых и прототипических идеализированных когнитивных моделей; г) множественность воплощения когнитивных структур в языке; д) гетерогенность плана содержания вербализации, заключающаяся в том, что когнитивные структуры нелинейны и переход от нелинейной структуры к нелинейному языковому представлению сопровождается «эффектом айсберга»: эксплицитно выражается лишь часть когнитивной структуры, остальная ее часть остается в латентном состоянии; е) множественность семантического описания, подразумевающего наличие в плане содержания по сути разных компонентов и разных метаязыков их

экспликации; ж) значимость нестандартных употреблений (например, метафорических).

В то же время, будучи моделью логической, подразумевающей «создание схематического представления об исследуемом объекте и его описание посредством перечисления наиболее существенных характеристик», модель любого концепта характеризуется определенной степенью маргинальности. Модель /языка эмоции/, разработанная исследователем, отличается от когнитивной/ментальной модели, обозначающей репрезентации, существующие в голове языковой личности, она даже может не существовать в действительности, однако конструируемая модель влияет на поведение индивида и может рассматриваться как психологическая реальность.

Представление о когнитивной модели как об относительно простой концептуальной схеме, выступающей в качестве эталона при интерпретации явлений различной природы и представляющей собой схематизированный образ, связанный с внутренней структурой схематизированных зрительных и ментальных образов, объясняется тем, что между реальными ситуациями и их когнитивными соответствиями всегда существуют различия по причинам, которые приводит Т.А.ван Дейк, в частности: а) «поскольку мы не можем и не должны знать все факты, относящиеся к миру, для когнитивных моделей типична фрагментарность и неполнота; б) модели могут репрезентировать реальные ситуации /эмоции и чувства/ на различных уровнях обобщения; в) несмотря на социальную обусловленность концептуального представления ситуаций, когнитивные модели являются ... субъективными».

Конвенциональность структурирования сложных денотативных ситуаций подчеркивает О.Н.Селиверстова, отмечая необходимость выделения особого уровня концептуализации, предшествующего ее обозначения через языковой знак. Среди когнитивистов этот уровень описания выделяется также Л. Талми, которому принадлежит термин «культурный предвыбор».

Существенным для описания структуры концепта и механизма перехода от единицы структурированного знания к его вербализации представляется

рассмотрение концепта как образования, характеризующегося полевой структурой («концепта с плотным ядром» в терминологии Ю.С.Степанова, которая может быть представлена следующим образом: ядро – прототипическая единица универсально-предметного кода с базовыми слоями от менее абстрактных к более абстрактным; интерпретационная периферия концепта, содержащая аксиологические трактовки концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием.

Исходя из положения, согласно которому материальным субстратом языкового сознания являются ассоциативно-вербальные сети, позволяющие дешифровать национально-специфические знания о мире, когнитивная структура концепта «радость» может быть также представлена в виде карты-схемы – «гипотетического конструктора, который может объяснить переход от стимула к реакции, описывая то, как индивид концептуально организует модель реальности».

Принимая точку зрения Л.В.Щербы, мы вкладываем в термин «индивид» собирательный смысл, поскольку «для объективации метода и его результатов необходимо привлечь не просто индивида, а репрезентативную группу индивидов – только тогда исследование можно будет назвать строго научным». Следовательно, планом имманенции концепта выступает лингвокультурно-детерминированный образ мысли языковой личности, предположительно являющийся концептуальным персонажем, который и создает план имманенции и, соответственно, концепт, определяемый К.К. Жолем как «квази-понятие».

Зачастую для исследования структуры и содержания концепта представляется целесообразным применение ассоциативного эксперимента (АЭ) с использованием майевтического приема, целью которого является получение от респондентов необходимых словесных инференциональных реакций-определений.

В основе АЭ – а) понимание ассоциации как «психосемантической связи» между некими объектами или явлениями, основанной на субъективном

опыте, совпадающем с опытом культуры, к которой принадлежит индивид; б) принципы кластеризации/структуризации ментальных репрезентаций эмоционального опыта, отраженные во внутреннем лексиконе; в) модели семантической сети (репрезентация знаний в виде одиночных слов) и пропозициональной сети (представление знаний в терминах пропозиций – «наименьших компонентов знания, которые могут быть представлены в виде одиночных, имеющих значение элементов», известной как «ассоциативная память человека» (Human Associative Memory – HAM); г) теории распространения активации.

Согласитесь, такой способ анализа применим и даже необходим для построения когнитивной модели, поскольку каждый из атрибутов ассоциативной структуры является составляющей определенного фрейма, активизирующегося при обращении к нему, и в контексте аффективного дискурса есть вероятность активизации любого культурно-детерминированного компонента соответствующего фрейма. Таким образом, в процессе аффективной речемыслительной деятельности действует механизм «фигура-фон» и профилирование определенного элемента объекта исследования и его вербализации, а, следовательно, из общей концептуальной структуры обозначения в фокусе внимания оказываются лишь определенные концепты.

Для более детального описания выбранного в качестве объекта исследования концепта используется также анализ словарных дефиниций значений ключевого слова-репрезентанта с целью построения семантемы, анализ лексической сочетаемости ключевого слова, построение его лексико-фразеологического поля (причем полевая модель может рассматриваться, как совершенно справедливо замечает В.А.Пищальникова, в качестве вероятностной модели, представляющей потенциальную динамику эмоционального смысла), анализ паремий и афоризмов, объективирующих данный концепт.

Как известно, полевой принцип предполагает выделение ядра, традиционно включающего языковые средства, специализированные и

наиболее употребительные для выражения определенных категориальных значений, максимально воплощающие эти значения, и периферии, включающей множество аффективных составляющих с меньшей степенью интенсивности проявления категориального содержательного признака. Лингвокогнитивный анализ проводится как в направлении от выбранного концепта к средствам его вербализации, так и в направлении от ключевого слова к фактическим – реализованным в узусе – контекстам его употребления с последующей реконструкцией концепта по выявленному набору семантических признаков. «Оба подхода имеют свою ценность и дополняют друг друга» в полевом анализе. При этом «динамический характер поля проявляется в диалектическом взаимодействии его центра и периферии», а также в одновременной реализации стратегии катафорической (при направлении анализа «слева направо») и анафорической связей, разграничиваемых Л.А. Азнабаевой в исследовании феномена проспекции в языке.

Фактическим материалом для построения модели концептов могут служить метафоры в прецедентных текстах– фразеологизмах, паремиях, литературных афоризмах, крылатых фразах, цитатах, плакатах/лозунгах, рекламных текстах, песнях т.е. текстах, хорошо известных носителям изучаемой культуры, значимых для них, усвоенных даже «при отсутствии у адресата самостоятельно сформировавшейся интенции ознакомления с текстом» и неоднократно упоминаемых в общении, характеризующихся высокой степенью итеративности и аксиологической насыщенности, в публицистических и художественных текстах, а также в зарегистрированных нами письменных ответах информантов. Такой подход к выбору фактического материала объясняется тем, что «наиболее объективированным следует считать то знание, которое «срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка – языковой формой», поэтому наиболее достоверной в этом смысле являются форма паремий, метафор, клише, ассоциативных полей, на базе

которых строится «усредненный тип носителя языка той или иной культуры».

Особую значимость при построении когнитивной модели получает так называемый «экспериментальный подход», учитывающий особенности как теоретического, так и обыденного познания – когниции, и базирующегося не на логических правилах и характеристиках, а на опыте взаимодействия с окружающим миром. Этот подход непосредственно связан с а) теорией выделенности Р. Лангакера [38]; б) теорией концентрации или фокусировки внимания Л. Талми и Ч. Филлмора, согласно которой все, что выражает говорящий в высказывании, отражает то, какие компоненты события либо явления его привлекают; в) теорией прототипов, служащей фундаментом для когнитивизма вообще, теорией, которая развивалась в нескольких дисциплинах почти независимо друг от друга: в когнитивной психологии, в этнолингвистике, в теоретическом языкознании и в философии (например, феноменологические работы К. Штумпфа, Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти). Понимание значения связывается с обращением к прототипу – члену категории, находящемуся в соответствии с градацией по параметру «принадлежность к категории» ближе к мыслеобразу, заложенному в человеческой мысли и оцененному как наиболее прототипичный экземпляр.

Прототип выступает в данном случае как инструмент, с помощью которого человек ориентируется среди поставляемых действительностью многочисленных когнитивных стимулов, осуществляет референцию к некоторому «прототипическому миру», более простому по своей структуре по сравнению с миром физическим, где все усложнения могут быть определены в результате процедуры аппроксимации. Как и Ж. Клибер, терминологически и содержательно мы не отождествляем теорию прототипов ни с собственно семантикой прототипов в духе Э. Рош, ни с концепцией фамильных сходств Л. Виттгенштейна, разделяя, однако, положение А. Ченки о том, что значение в естественных языках является мысленно кодируемой информационной структурой и что «понятие прототипов

... отражает интуицию гештальт-психологов,..., а чувственное распознавание является результатом взаимодействия между входным сигналом из окружающей среды и действующими принципами в уме, которые накладывают на него структуру».

Исследование стратегий категоризации на базовом уровне взаимодействия человека с внешним окружением, определяемым гештальт-восприятием, ментальной образностью и двигательной активностью, приводит Дж. Лакоффа к выводу о том, что опыт индивида (в том числе эмоциональный) еще до его концептуализации структурируется именно на этом уровне, т.е. «концепты базового уровня согласуются с этой доконцептуальной структурой и осмысляются в ее терминах». Е.Г.Вышкин полагает в этой связи, что прототипичность, сформировавшаяся в рамках психологии, базируется на определении семантической категоризации категоризацией психологической, при которой дискретный характер категории приобретают по модели ясного случая, а не путем установления границ.

Каждая когнитивная модель в составе ментального пространства обладает символической структурой либо в виде «строительных блоков» (если ее элементы взаимонезависимы, а значение целого является функцией значений составляющих), либо в виде «гештальта», элементы которого не могут существовать вне целого и значений которого нельзя вывести из значения ее составляющих, и правил их сочетания. Существенным представляется то, что объекты различных ментальных пространств могут быть соотнесены друг с другом при помощи коннектора – специального, интуитивно вполне очевидного отношения, например, концептуально-метафорического, связывающего ментальное пространство как исключительно когнитивное образование, не обладающее онтологическим статусом вне мышления, с семантикой, ориентированной на экспериенциальный аффективный реализм.

Зачастую основу структуры предлагаемой модели составляют метафорические способы вербализации, представляющие собою результат прохождения сквозь призму мышления, в процессе которого посредством языка материализуется не сам объект, а его опосредованное и обобщенное отражение. Это подтверждается конститутивными признаками метафоры, сформулированными Дж. Лакоффом следующим образом: а) существует некий концепт А и соответствующая ему вербальная форма А, воспринимаемая в определенном контексте; б) существует некий концепт В и соответствующая ему вербальная форма В; в) А и В некоторым образом соотносятся по аналогии; референт А есть или подобие референта В, или каким-либо другим образом тесно ассоциируется с референтом В; г) связь между А и В существует как вещное отношение, так что эти объекты воспринимаются как одно и то же; д) использование концепта В позволяет выделить национально-специфический аспект объекта, что, в свою очередь, акцентирует трехмерность отражения действительности, а именно тот факт, что, во-первых, эмоции – это результат проникновения конкретной этнокультурной ситуации в сознание; во-вторых, семантика метафор радости – это преломление эмоционального отражения в языке; в-третьих, анализ культурно-детерминированного смысла этих языковых единиц отражает механизм такого преломления, поскольку каждое слово возбуждает целую систему связей, «являясь центром целой семантической сети, актуализирует определенные базовые «семантические поля», характеризующие концепт исследуемой эмоции.

Н.Ф. Крюкова описывает механизм метафорической реализации смысла, состоящий из трех этапов: 1) пояс реального мира мыследействования, включающий в себя опыт всей без исключения (эмоциональный в том числе) предметно-практической деятельности реципиента; 2) пояс мысли-коммуникации, выражающийся вербально; 3) пояс чистого мышления, развертывающегося в невербальных схемах.

Теория концептуальной метафоры, определяемой как перенос информации из области-источника, содержащей информацию об объекте, привлекаемом для обозначения другого объекта, в область-цель, содержащую информацию об обозначаемом, способствует разграничению средств вербализации исследуемой эмоции и лежащих в их основании когнитивных процессов осмысления одного явления в терминах другого. Этот процесс включает в себя такие компоненты, как концептуальный референт («целевой концепт, идентифицируемый посредством метафоры»), концептуальный коррелят («концепт, привлекаемый для сравнения») и зона пересечения («параметр для сравнения, общий для референта и коррелята»).

У. Матурана подчеркивает, что «языковое поведение представляет собой процесс непрерывной ориентации». Поскольку ориентация человека в окружающей среде осуществляется с опорой на образы, лингвокогнитивная категория ориентации подчиняет себе функционирование тех языковых ресурсов, которые приобретаются индивидом в результате восприятия ориентиров окружающей среды. К ориентации базового уровня взаимодействия человека со средой мы относим ориентирование в чувственно-воспринимаемом пространстве лингвокультурной ситуации, закрепленное дейктическими единицами, указывающими непосредственно на языковую личность, пространство и время, которые переносятся в ментальные пространства посредством когнитивного картирования.

В связи со сказанным необходимо отметить, что по гипотезе психологической школы конца XIX – начала XX века (Штейнталь, Потенция и др.) языковые значения формируются в результате существенной переработки базового «опыта» на более высоких когнитивных уровнях, в результате чего даже значения, связанные с перцепцией, не отражают непосредственно физический опыт, а лишь определенным образом его интерпретируют.

В процессе интерпретации концептуальных метафор устанавливаются многочисленные концептуально-метафорические связи, объединяющие их в

гибкие, подвижные, нелинейные, самонастраивающиеся подсистемы, открытые для взаимодействия с другими пространствами, что, в свою очередь, обеспечивает возможность функционально-адаптивных изменений их структуры. Указанные связи регулируются как действием когнитивного принципа лингвистической экономии, так и конкурирующими мотивациями между постоянно модифицирующимися когнитивными образованиями – ментальными пространствами. Интегрированное пространство, возникающее в результате синтеза ментальных пространств-источников, является образованием нового концептуального уровня, на котором могут нейтрализоваться некоторые элементы исходных лингвокультурных фреймов, усиливаться иные (национально-специфические либо универсальные) и образовываться собственные уникальные «бисоциативные» качества.

Опираясь на схему исследования концептов, предложенную С.Х. Ляпиным [201], в семантике концепта выделяются понятийный, образный (опредмечивающий в языковом сознании когнитивные метафоры объекта как абстрактного конструкта) и ценностный (связанный с жизнедеятельностью человека и являющийся объектом рефлексии) компоненты. Соответственно, процедура когнитивного моделирования концепта включает три основные фазы: 1) актуализация; 2) концептуально-ассоциативное метафорическое переосмысление (изменение базового значения на «ассоциативном фоне») и 3) полиосмысление (контрастивный этносемантический анализ вербализации радости для выявления сходств и различий в соответствующих фрагментах национальных картин мира). Такой подход позволяет рассматривать концепт как целостную совокупность образов («гештальтов»), ассоциирующихся с определенной сущностью и образующих имплицатуры ее вербальной реализации в соответствии с «принципом релевантности» Вебера как универсальным принципом когнитивной деятельности. Чрезвычайно важно в этой связи утверждение Н.Ф. Алефиренко о том, что гештальты занимают ведущее место в формировании дискурсивно-когнитивной семантики косвенно-производных метафорических

единиц. Они представляют собой концептуальную структуру, будучи «оперативными единицами концептуальной картины мира – ментального лексикона, а обладая «языковой привязкой», «оперативными единицами языковой картины мира, именуемой «внутренним лексиконом».

Таким образом, когнитивная модель концепта, обладающая сложной структурой, позволяющей охватить единым концептуальным аппаратом лингвистические, когнитивные, психолингвистические, лингвокультурологические интегративные аспекты объекта исследования, представляет собой методологически необходимый переходный этап на пути к созданию универсальных холистических моделей, в которых должно отразиться его самодвижение, самоорганизация, системно-функциональные отношения стабильных и нестабильных компонентов под воздействием энтропийных факторов среды. Эффективным принципом организации модели является концептуальная метафоризация, когнитивные механизмы которой выступают операциональной основой обеспечения устойчивости системы в процессе продуцирования и рецепции дискурса.

Спасибо за внимание😊